* * *

Цвет недоступен, монохром.
Притворяться что греет свет.
Заклинания на потом.
Море снега и море-снег.

Обозначься пунктиром камней,
убегающих до воды,
по застывшей соли морей,
где искать мне твои следы.

Пианино расстроено, ржавый трамвай,
телефонная будка пуста,
замолкает гудок, телефон устал,
проводник из ничто, в никуда.

* * *

Зажигалкой чиркаешь, не горит.
Пиши все что думаешь.
Все слова уместились на медный кулон для молитв,
лучше разве для них придумаешь?

Засыхают цветы и окурок дымит...
Где мне взять настоящей поэзии?
Чашка с чайкой отколота, жуткий вид
и такое бывает болезненно.

Кремний выдохся, ветки, фонарь,
я избита как эти слова.
Если кровь, не кровь – киноварь,
не сгорит ничего...никогда...

* * *

Левая рука – пятилетний ребенок,
не умеет писать, еле держит ложку.
Разлученный с матерью олененок,
в волчьей шкуре, пообвыкнется понемножку.

Тьма не исчезает от упоминания светильника,
но светильник погаснет и станет тьмой.
Ясноглазые будут страшнее могильника,
с возведённым бетонным куполом над головой.

Серое небо не украшает ни одного города,
как бездушное благоденствие.
Среди полосатого газетного вороха,
чья-то душа похожая на младенца.